

Почему Россия не Азия*

Место России в Азии, ее взаимоотношения с Востоком, находятся в плену коварных омонимий. Несомненно, с точки зрения чистой географии, Россия есть держава азиатская ровно в той степени, в которой в Азии находится большая часть ее территории. Однако есть Азия и Азия. С чисто географическим представлением сопряжен определенный культурный и оценочный комплекс, соединяющий вместе самые разные цивилизации и противопоставляющий их Европе.

Отыскивая Европу в Азии

С понятием о Европе у нас традиционно связываются персонализм, рационализм, сциентизм, капитализм, инновации и демократия. С понятием об Азии – холизм, интуитивизм, мистицизм, попытки так или иначе этически ограничить капиталистическую рациональность и, в той или иной степени, совместить заимствованные инновации с традицией, а связанные с Европой права человека и гражданина – с правами общества как целого и власти как определенного трансцендентного принципа.

При этом сравнении «азиатскому» сплошь и рядом выставляется более низкий балл по сравнению с «европейским». Тем самым выбор между Европой и Азией является не только ценностным, но и оценочным. Быть «европейцем» даже и сегодня вопрос самооценки, вопрос престижа. И это связано с тем, что, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия, все же достижения преимущественно в европейских (включая, разумеется, американские) практиках.

Экономическое чудо Японии, удивлявшее во второй половине XX века, базировалось на достижениях европейской науки и техники и европейских же экономических концепциях Фридриха Листа и Йозефа Шумпетера. То, что японцам удалось совместить европейские технологии и свою традиционную этику, лишь подчеркивало неустранимость «европейского» из этого синтеза. Японским, а стало быть и европейским, путем пошли другие страны АТР.

И вот уже на наших глазах вырос новый экономический гигант – Китай, в котором правит партия, выбравшая в качестве основы выработанный в Европе (включая Россию) марксизм, оказавшийся в известном смысле «Фридрихом Листом для бедных». Марксизм не имел бы и половины своей привлекательно-

* Расширенная версия статьи, опубликованной в информационном бюллетене Форума «Бердяевские чтения» «Самопознание» (2015. № 5).

Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники». E-mail: natapa@ya.ru

сти в третьем мире, не будь в него встроен индустриализм, листовское учение о развитии производительных сил, производственных отношений. Китайская индустриализация – это достижение одной европейской теории, пересказанной в рамках другой европейской теории, и базируется она на результатах европейской науки и «революции прилежания», приближающей стандарты «азиатского» труда к западному.

Современные достижения Азии, как бы нам ни хотелось верить в обратное, говорят скорее в пользу Европы. Преуспев в производстве, потреблении, накоплении, даже изобретении, Азии не удалось и по сей день создать систему инновационных толчков, которая свидетельствовала бы о реальном переходе экономического лидерства.

Хотя на примере конкуренции двух электронных гигантов “Samsung” и “Apple” мы наблюдаем другой любопытный процесс – самоподавление западных, слишком оригинальных инноваций ради того, чтобы приблизиться к более усредненной, но в силу этого и более конкурентоспособной форме. Еще не выбравшись в полной мере из плена вторичности, Азия уже берет числом, побеждая за счет отдачи от масштаба.

Но где место России в этом соревновании Европы с ее отражением? Россия ощутимо преуспела в ранней европеизации и модернизации, усвоив прежде всего не технологии и институты, но сами принципы функционирования европейской цивилизации Нового времени – научный рационализм и инновационность. Военные и технические победы России XIX века даже заставили Запад на секунду усомниться в нерушимости своего лидерства.

Однако собственную версию рецепции европейских ценностей Россия выработала более трех столетий назад и с тех пор находилась скорее перед обратной проблемой – как бы отыскать собственные органические цивилизационные начала, чтобы избавиться от мучительной культурной шизофрении.

Там, где страны Азии решали задачу вестернизации, или же «модернизации без вестернизации», там Россия как минимум с середины XIX века решала задачу собственной девестернизации, но при этом такой, которая бы сохранила достигнутые в нашем европеизме ключевые преимущества – прежде всего способность к научному поиску и генерированию инноваций.

Движение в славянофильском направлении, становившееся всё более решительным на переломе XIX–XX веков, было весьма эффективным, однако затрагивало лишь тонкую пленку на поверхности необъятной крестьянской стихии, а потому внезапно сменилось катаклизмом Революции, причудливо соединившей чисто западную идеологию и клочкотание народных хилиастических сектантских форм. Но наибольших успехов в девестернизации, нельзя не признать, мы достигли на пути бескомпромиссного западничества конца прошлого столетия, когда Россия переместилась в список не самых развитых стран третьего мира, некоторым образом «победив» европейскую науку, медицину, образование, социальную политику. И всё это под лозунгом ускоренной интеграции с Западом. Нельзя не признать, что самое отчаянное славянофильство было бы «более лучшим» способом сохранения результатов трехсотлетней вестернизации, нежели российское западничество.

В итоге мы оказались в парадоксальном для себя контексте. Мы обречены на догоняющую модернизацию. Но догоняем уже не Европу и Америку, а Азию. Мы ищем родства, диалога и даже союза с Азией. Но ищем их на самом деле не в том, в чем Азия – это Азия, а в том, в чем Азия – это Европа. Мы хвалим трудовую конфуцианскую этику, а на самом деле завидуем внешнеторговому обороту, хвалим мудрую политику политической преемственности, а на самом деле восхищаемся умением привлекать инвестиции и распоряжаться ими.

Вызывающие нашу симпатию неотрадиционные институты Азии, – это надстройка (порой – весьма изящная) над листо-марксо-шумпетеровым индустриальным базисом. Не сохранив его, мы уподобляемся человеку, который, сняв голову, восхищается прической соседа.

Как только мы осознаем, что в современной, динамичной, высокоразвитой, успешной Азии мы ищем удачно перенесенную на новую почву Европу, причем такую Европу, с которой можно дружить против старой Европы и Америки, многое в нашем «синофильстве», «японофильстве», «азианизме» и «восточничестве» достигнет здоровой ясности.

Россия хотела бы вернуться в Европу из тех трущоб, в которые погрузили ее 1990-е. Лучшего пути в Европу, нежели тот, который избрала динамичная Азия, пути *эмуляции*, используя выражение Эрика Райнерта, европейского индустриализма при сохранении социальной и политической стабильности, Россия вряд ли может найти. И это роднит нас с Азией. Роднит в общем «европеизме».

Роднит в стремлении не допустить того, чтобы Запад, политическими ли «цветными революциями» и экспортом «демократии», экономическими ли манипуляциями «Вашингтонского консенсуса», затолкал нас назад в трущобы. Мы не хотим назад в трущобы – и в этом мы азиаты.

Трансазиатский альянс по политической и экономической защите от Запада своего освоения европейских достижений – вот та почва, которая действительно роднит Россию и великие державы Азии вопреки существенной разнице их традиционных цивилизационных ориентаций. Россия, Китай, Индия, Иран кардинально различны и в чем-то даже непримиримы в своем православии, конфуцианстве, индуизме и шиизме, но едины в своем «европеизме» модернизационного развития, противостоящем западному африканизирующему глобализму и строительству мировой империи.

Поэтому, когда мы пытаемся изобрести некое родство мировоззрений, менталитетов, духовной структуры, которые сближают Россию с Азией, когда мы пытаемся изобрести геополитические концепции, «азиатизирующие» Россию, то мы идем по заведомо ложному пути.

Вымышленное царство

Наиболее заметной концепцией, пытавшейся разместить Россию в определенном контексте и в Европе, и в Азии и в то же время вне их и «между» или «над» ними, стало евразийство. В начале XXI века оно превратилось в одну из универсалий русского политического языка, порой приобретая гротескные формы. Не так давно мне встретился, к примеру, заголовок «Евразийскому союзу – евразийскую статистику».

Реальность, которая скрывается за риторикой официального евразийства, довольно скромна. По сути, перед нами вполне рациональная фридрих-листовская идея формирования единого таможенного и торгового пространства между странами, охваченными этим пространством прежде в Российской Империи и СССР, с тем чтобы не допустить их функционализации и разорения в рамках системы глобальной (читай Западной) торговли, как то произошло, к примеру, с «вестернизированной» в 1990-х Монголией.

Эта скромная, прозаичная, но абсолютно убедительная цель не имеет надобности в плотных облаках клубящейся вокруг политической мистики. На среднеазиатском фронте к этому добавляется необходимость выставить заслон распространению агрессивного исламизма, зато ситуация отягощается процессом массовой миграции, создающей серьезные внутривнутриполитические риски в России.

Но запущенная еще первыми евразийцами фабрика политических мифов продолжает работать, выдавая на гора всё более фантастические продукты, по смыслу зачастую прямо противоположные практической политической задаче, стоящей перед идеологией.

Созданный Николаем Трубецким образ «наследия Чингисхана» был призван обосновать единство политического пространства постимперской России, укрепить идею господства русских в Северной Евразии, якобы перенятого русским «белым царем» у великого завоевателя и его потомков чингисидов.

Однако не прошло и столетия, как в трудах Льва Гумилева и его эпигонов произошла примечательная метаморфоза. Россия уже не утверждалась в господстве через обращение к монгольскому наследию, а напротив – ограничивалась в исторических правах в прошлом и настоящем. Вместо русоцентричности евразийство стало монголоцентричным, тюркоцентричным, номадоцентричным, исламоцентричным. Русская государственность приговорена была задним числом к тяжелой работе – играть роль кочевой империи, не будучи ею.

Воспевание русско-монгольского братства в совместном евразийском противостоянии «духовной угрозе с Запада» привело ко всё более осязаемому обвинительному уклону в отношении русских при описании любых конфликтов России и Степи. Апофеозом этого обвинительного уклона стал, пожалуй, миф о мести за убитых монгольских послов, ставшей, якобы причиной (и, как получилось, оправданием) разрушительного монгольского нашествия на Русь.

Эпигонами евразийства изобретена была «многовековая общая судьба» народов России, Средней Азии и Китая, к которой апеллируют теперь сплошь и рядом. И вот уже взваливший на себя непосильную ношу историограф Борис Акунин уверенно заявляет, что в XIII–XV веках «страны с названием Русь не существовало» и «Русь формально входила в состав китайской империи Юань».

Не трудно представить себе, как, начитавшись российско-французского детективщика, китайские энтузиасты ваяют карту «Исторического Китая в начале XIV века», охватывающей всю Россию и окрестности. И не трудно представить разгорающийся впоследствии скандал.

На самом деле «единая евразийская империя Чингисхана, соединившая общей судьбой Россию, Среднюю Азию и Китай», есть картографический и историографический фантом, типичное «вымышленное царство». Чингисхан был выдающимся военным организатором, но ни в коем случае не «Завоевателем Мира». Объединив Монголию и завоевав в Средней Азии Хорезм, он успел начать, но не завершить, покорение тангутского царства Си Ся и чжурчженьской империи Цзинь, располагавшихся в Северном Китае.

Считать Чингисхана «Завоевателем Мира» не более уместно, чем считать Филиппа Македонского завоевателем Персии на том основании, что он создал послужившую его сыну Александру военную организацию и базовую державу. Честь создания всемирной империи по праву принадлежит сыновьям и внукам Чингиса, действительно распространившим власть монголов чрезвычайно широко, хотя и на очень короткий срок.

Уже кааны Гуюк и Мункэ из поколения «внуков» могли править своими двоюродными братьями не безоговорочно (Мункэ и вовсе был ставленником и марионеткой клана потомков Джучи – Батыя и Берке). На последний год жизни Мункэ (1259), пришлось максимальное расширение внешне единой империи – в походе на Ближний Восток Хулагу взял Багдад, монголам подчинялись Иран, Средняя Азия, Северный Китай, Половецкая степь. На поклон в Каракорум ездили русские князья.

Но в 1260 году началась война братьев умершего Мункэ – Хубилая и Ариг-Буги. Первого поддержал властитель Востока Хулагу, второго – властитель будущей Золотой Орды Берке, и в 1262 году они начали кровавую войну между

собой. Берке перестал подчиняться центральной власти, олицетворяемой Хубилаем, и именно с этим связаны были странные антимоңгольские восстания на Руси, сопровождавшиеся расправами над баскаками, но не повлекшие со стороны Сарая никаких репрессий. Русские расправлялись именно с посланцами из Каракорума – едва образовавшаяся связь с «Азией» была навсегда преврана.

Лишь в 1267 году, уже после раскола империи, Хубилай начал завоевание империи Сун, Южного Китая, где, в отличие от империи Цзинь, правили действительно китайцы. Когда же он, воспетый Марко Поло и европейскими поэтами как «Кубла-хан», закончил завоевание Южного Китая в 1279 году, в его руках не было и не могло быть никакой даже самой призрачной власти над Русью.

Когда в 1304 году между всеми чингисидами установился непрочный мир, никакой Империи уже не было. Была конфедерация нескольких империй, которых роднили лишь общий предок правителей, Чингисхан, и всё более истончавшийся слой завоевателей – монголов. Старшей признавалась империя Юань, охватывавшая Китай и Монголию, – китайцы уничтожили ее в 1368 году. В Иране, Закавказье и Ираке существовало государство потомков Хубилая – ильханов, окончательно распавшееся к 1353 году. Власть потомков Чингиса в среднеазиатском улусе Чагатай все больше вырождалась, пока в 1370 году не перешла в руки ни разу не чингисида – железного хромца, Тимура.

Придворный Хубилая, Марко Поло, упоминает Русь в своей знаменитой книге, созданной около 1298 года: «Росия большая страна на севере. Живут там христиане греческого исповедания. Тут много царей и собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры... Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактакай, ему они платят дань и никому более...». Как видим, ни о каком, пусть даже самом ассоциированном членстве России в империи Юань тут речи не идет и идти не может. Выдуманная Акуниным (и если бы им одним!) «общность исторической судьбы» России, Средней Азии, Монголии и Китая оказывается фантомом, порожденным невежеством, а интерпретация России как «части Азии» – недобросовестной фальсификацией.

Золотая Орда начала распадаться в то же самое время (всем чингисовским империям суждено было погибнуть одновременно) – в Орде началась «великая замятня» 1359–1380 годов. Но ее жизнь продлили еще на сто лет два парадоксальных обстоятельства.

Во-первых, Золотая Орда не была построена как государство на месте покорённых цивилизованных народов. Батью хватило сообразительности не учреждать свою ставку в Киеве и не объявлять себя великим князем Киевским Борисом Георгиевичем (как вполне можно было переименовать Батыя Джучиевича). Орда осталась до конца своей истории внешним по отношению к оседлым народам образованием, паразитом на теле Руси и Восточной Европы, и это укрепляло ее силы. Русские не могли свергнуть Орду так, как китайцы свергли Юань и поставили свою империю Мин. Против Орды приходилось не восставать, а воевать.

Вторым обстоятельством, сплотившим Золотую Орду, была... Куликовская битва. Разгром Мамаёвскими русскими вынудил кочевников Половецкой степи сплотиться и перейти к стратегической обороне. Ясная цель – удержать дань с Руси, продолжить организованно грабить Русские земли – продлила жизнь этого политического трупа еще на сто лет.

Итак, изображаемой на картах единой «Монгольской империи», от сожженного монголами Кремля до побережья Южного Китая, никогда не существовало. Наиболее приличные из картографов и пишут не «граница Монгольской империи», а «граница завоеваний Монголов». В XIII веке не существовало

никакой технологии, которая позволила бы из единого центра управлять сразу несколькими соединенными вооруженной силой цивилизациями – Китайской, Русской, Иранской, Арабской, Великой Степью – и такими лимитрофами, как Средняя Азия и Кавказ. Не было таких технологий и у монголов. Нет их, собственно говоря, и сейчас.

С 1262 до 1865 года, когда был взят Ташкент, между Россией и Средней Азией не было ничего общего. Ни общей судьбы, ни общей власти, ни общих учреждений, ни хотя бы общих угнетателей и поработителей.

Общего не было настолько, что разгромивший Тохтамыша Тимур внезапно повернул от Ельца и никакого интереса к завоеванию Руси не проявил. На Руси сложилось предание о чудесном явлении Тимуру Богородицы, велевшей ему отступить. Тот, кто для азиатского мира был ужасом, для Руси прошел стороной, а православие оказал даже некоторую услугу. Через семь лет после отхода от Москвы, в 1402 году, он разгромил в битве при Анкаре турецкого султана Баязида и использовал его как подставку под ноги, тем самым на полвека продлив историю Византии.

«Наследие Чингисхана» вообще играет со своими пылкими адептами дурную шутку. Не так давно один из них огорошил меня заявлением, что «нам тесновато будет русское национальное государство, нам подавай Империю, нам нужен Улус Джучиев». В ответ я достал карту и попросил его убедиться в том, что размеры реального Улуса Джучи значительно меньше даже РФ с ее обкорнанными по беловежской мерке границами, меньше тех границ русского национального государства, которые оно приобрело к концу XVII века, перед преобразованием в Российскую Империю. И уж тем более несопоставимо меньше той формы, которую оно приобрело в качестве Империи.

Если отнестись к ностальгии об «Улусе Джучи» с незаслуженной серьезностью, то России следовало бы отказаться от огромных безлюдных пространств Ямала с его газом, Югры с ее нефтью, Таймыра с его никелем, Якутии с ее алмазами, Колымы с ее золотом. Всего этого монгольская «евразийская интеграция» не затронула. Не появлялись монголы и в Арктике. Туда плавали русские поморы, а отнюдь не «природные евразийцы». Вытеснение исторической России фиктивной «Евразийской Империей» – это, помимо прочего, попытка отрезать от нас наши ресурсы, заменив их чужими проблемами.

Решить вопрос о месте России в Азии на основе евразийских доктрин, особенно в их эпигонском изложении, попросту невозможно. Реальная Россия подменяется здесь фикциями, самовоспроизведение которых порождает на выходе такие перлы, как трактат «Великий хан Батый – основатель российской государственности» (автор Геннадий Тюньдешев; Минусинск, 2013). Прodelав в прошедшие девяносто лет парадоксальный логический круг, евразийство от поиска основ геополитической и цивилизационной идентичности России перешло к их отрицанию.

Русский Остров

Самым ценным в евразийском наследии является понятие «месторазвития», то есть уникального географического пространства, которое задает параметры исторической судьбы и культурного облика народа и цивилизации. Однако, пытаясь дать геополитическую характеристику этого месторазвития, евразийцы ошутимо запутались, когда мифология начала подменять географию.

Давая географическую характеристику Евразии в своих «Географических и геополитических основах евразийства», П.Н. Савицкий утверждал: «Евразийский мир есть мир “периодической и в то же время симметрической системы зон”... Здесь обращает на себя внимание **равенство интервалов, охватываю-**

щих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам. Это и даёт основание говорить о “периодической системе зон России-Евразии”. Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы говорили выше, но в смысле симметрий юго-северных. **Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь)».**

Казалось бы, всё ясно: Евразия – это месторазвитие с удивительно точной симметрией, в которой крайними элементами являются тундра и степь, а средним – лес. Но не тут-то было. Как идеолог, в той же статье Савицкий предлагает совсем другую интерпретацию евразийского месторазвития. «Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область **степной и пустынной полосы**, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют *Евразией в точном смысле этого слова*» [курсив мой – Е.Х.].

Выясняется, что подлинной Евразией является не Евразия, не пространство формирования и исторического возрастания русского народа, а лишь Великая Степь, пространство кочевых империй. «В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур».

Мало того, выясняется, что Россия некоторым образом приговорена к тому, чтобы служить посредником и коммуникатором между Востоком и Западом и лишь так исполняет свое историческое предназначение, которое оказывается, таким образом, не связанным с собственной исторической судьбой русских, а как бы навязанным извне. «Только в той мере, в какой Россия – Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом».

Внутреннее содержание России определяется у Савицкого конфигурацией ее соседств: «Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта западный и юго-восточный».

Почему Россия обязана служить мостом между Востоком и Западом? Удобно ли все время жить на мосту или в проходном дворе? В чем выгода России от такого посредничества? Почему содержание русской особенности должно определяться ее соседствами? Если мой сосед слева любит играть на трубе, а сосед справа жить не может без гольфа, то почему я должен играть в гольф трубой, а не могу любить, к примеру, академическую греблю? Все эти вопросы не получают ответа, так как посредничество превращается в императив. Причем императив чужой, сформированный кочевыми империями, от которых русские большую часть своей истории страдали и подвергались набегам, а затем вдруг вынуждены заступить их место.

Двигаясь от Трубецкого и Савицкого к Гумилеву и его эпигонам, евразийство всё больше сосредотачивало свое внимание на Великой Степи. Именно степные империи представили истинной формой Евразии, а Россия оказывалась их поздним атипичным преемником. В сущности, получалось, что русские занимают в Евразии не свое место, не обладая требуемой хозяйственной, военной и культурной организацией, а лишь заимствуя ее элементы у степняков.

Утрируя, но не сильно, эту позицию, можно сказать, что эта логика приводит к утверждению, что русские – это европейцы, притворившиеся азиатами, покорившие Евразию, мыслимую как Великая Степь, и уничтожившие ее.

Столь неверные следствия говорят о неверности исходной посылки, а конкретнее – представления о Евразии как о единстве и борьбе Леса и Степи и о том, что Россия осуществляет себя как наследница империй Великой Степи. Мы замечаем, что вся Россия представляет собой удивительно целостную, однородную географическую среду, для которой граница Европы и Азии по Уральскому хребту (и тут Савицкий трижды прав!) не носит сколько-нибудь определяющего и принципиального характера. На одних и тех же широтах и в одном и том же приближении к морю Россия удивительно сходна в своих частях, несмотря на огромную протяженность территории. Архангельск в ней не более Европа, чем Владивосток – Азия, но и то и другое в одинаковой степени Россия. Это удивительное чувство испытываешь, к примеру, на Сахалине, южная часть которого была возвращена лишь в 1945 году, и тем не менее сперва ты ощущаешь себя, особенно в урбанистической среде, как где-то в Московской или Вологодской области, и лишь затем обнаруживаешь специфичные детали, вроде нерп, которых отгоняют колотушками от своих сетей рыбаки-нивхи.

Очевидно, что существует нечто, объединяющее Россию во всех ее частях, отличая в то же время от Европейской и Азиатских геополитических платформ. И это нечто – не мифический «Хартленд» Маккиндера, декларирующий свою континентальность, сухопутность, определяемый через гидрологический критерий – отсутствие выхода к открытым морям.

Не слишком трудное географическое и историческое наблюдение легко выявит то качественное отличие русского пространства от сопредельных пространств, которое и создает географическую и геополитическую особенность России. Это – чрезвычайно тесное переплетение многочисленных и, как правило, полноводных рек, практически вплотную соприкасающихся друг с другом бассейнами до легкости создания между ними системы волоков, а позднее – каналов. Рек, выходящих к морям, по которым возможно плавание от устья до устья. Рек, окруженных множеством больших и малых озер, пригодных и для плавания, и для хозяйства, и для удобного размещения населения.

Россия – это не просто суша, но суша со всех сторон окруженная и пронизанная изнутри водой. Другими словами, Россия – это остров. Или система островов, каковыми являются, к примеру, Британия и Япония.

Гениальная интуиция Вадима Цымбурского уловила эту географическую характеристику и выразила ее в знаменитой политической метафоре, под которую мыслитель подвел определенный исторический фундамент. Но Цымбурский никогда не придавал понятию «Остров Россия» определенного географического содержания, рассматривая как «сушу» этого острова пространства, занятые носителями русской культуры, а как «проливы» – лимитрофные государства и народы.

Однако *Русский Остров* – больше, чем метафора. Перед нами вполне осязаемое окруженное доступной для плавания водой пространство, имеющее за счет внутренних водных путей высокую связанность и отделенное этими же путями от других геополитических пространств. Начать войну с Россией чаще всего означало пересечь реку или атаковать ее берега с моря. Распространить пределы России означало присоединить бассейн той или иной реки или побережье моря, на которое эта река выходит.

Тем самым мы обнаруживаем у Русского Острова не только метафорическое или абстрактное геополитическое, а конкретное географическое содержание. Это большое пространство, имеющее ярко выраженную физико-географическую доминанту – тесное сплетение многочисленных речных бассейнов.

Значительная часть определяющих Русский Остров рек имеет ледниковое происхождение. Многие из них – это реки северного стока, уходящие в Арктический (Северный Ледовитый) океан, послуживший, несмотря на свою трудность, прекрасным коммуникатором между речными устьями, что содействовало невероятной скорости русского продвижения на восток.

Общие границы Русского Острова можно очертить так: это Неман и система Днестр – Прут – Дунай на западе; Балтийское море и впадающие в него Нева и Западная Двина на северо-западе; Черное и Азовское моря на юго-западе; Арктический океан с впадающим в него множеством рек на севере; Кубань, Терек и Каспийское море, а восточнее – верхние течения сибирских рек на юге; Берингово и Охотское моря, Сахалин и Курилы на востоке; Байкал и система Амур – Усури на юго-востоке.

Нетрудно заметить, что за обозначенными рубежами переплетенные в единое целое речные системы практически исчезают, а тем самым и отсутствуют условия, формирующие Русский Остров. Однако выход за естественные речные границы оказывается для России возможен там, где моря подкрепляют геополитические векторы, заданные реками. Так, выход России на Кавказ и в Среднюю Азию за линию Терека и верховьев Иртыша, был обусловлен использованием Черного и Каспийского морей. Кольский полуостров Россия контролировала по морю, следуя направлению вектора Северной Двины. На Дальнем Востоке море позволило перекинуть мост на Аляску. Именно с морского направления Россия в конечном счете завладела пограничным Амуром, когда Г.И. Невельской открыл его устье.

Всюду, где русское расширение упиралось в безводную сушу, пустыню, голую степь, оно становилось проблематичным или вовсе прекращалось. И, напротив, там, где удавалось соединить два речных бассейна вместе, русская экспансия становилась неукротимой. Именно так была преодолена формальная граница между Европой и Азией по Уралу, когда экспедиции Ермака удалось нащупать сочетание рек, позволявших перейти через «Камень».

Русская цивилизация может быть осмыслена нами как цивилизация *акватическая*, то есть опирающаяся прежде всего на водные пространства, но использующая их не для орошения, как «гидравлические цивилизации» К. Виттфогеля, а для интенсивных коммуникаций, позволяющих создать сеть поселений на огромных расстояниях друг от друга, при этом поддерживая между ними столь же, если не более интенсивную связь, нежели это возможно было в странах, объединенных преимущественно сухим путем.

Именно здесь секрет того колоссального размера, которого с первых же шагов достигло Древнерусское государство. Если подходить к делу с педантизмом, то большая его часть, конечно, должна быть изображена как сеть тонких нитей протянутых по водным артериям от одного города на реке до другого. Но картографы привыкли закрашивать территории с большим размахом, поэтому Древняя Русь предстает перед нами как огромное территориальное государство. Этот масштаб создавали именно речные коммуникации.

Разумеется, русская цивилизация была не единственной, в развитии которой реки сыграли решающее значение. Скорее напротив – таких цивилизаций абсолютное большинство. Однако, как правило, речь шла о единоречье, максимум – двуречье, как в Китае. Подлинное многоречье стало достоянием лишь России.

О генезисе этого русского типа освоения можно высказывать только догадки. Выскажу гипотезу – не более: мы имеем дело с синтезом прекрасной адаптации к внутренним водным путям, характерной для восточных славян, и неутолимой страсти к дальнему мореплаванию, характерной для викингов. Возникновение славяно-варяжской этнополитической системы подстегнуло к

созданию новой системы пространственного освоения – стратегического рекоплавания. Уже «премьера» русской истории – нападение русов на Константинополь в 860 году – это рейд по рекам Русской равнины, а затем Черному морю, по меньшей мере от Киева, а может быть, и от Ладоги. Упомянуть «Путь из Варяг в Греки», стержневой для становления Руси, пожалуй, и не требуется в силу его очевидности. Русы с такой свободой проходили по своим внутренним водным путям, что европейский хронист Адам Бременский был уверен в существовании пролива между Балтийским и Черным морями.

Как изобретение колеса и освоение всадничества исторически и геополитически актуализировало Великую Степь как нечто целое, самостоятельную историческую реальность, а не просто набор безлесных пространств, так и освоение стратегического рекоплавания актуализировало Русский Остров. Где всадник, там найдется и степь, где гребцы, там и река.

Осмысляя Русский Остров, мы получаем возможность по-новому взглянуть на весь процесс русской колонизации, выведший Россию к Тихому океану и позволивший ей сформировать, по терминологии выдающегося русского географа и геополитика В.П. Семенова-Тянь-Шанского, систему «от моря до моря», превратив Россию в чрезматериковую державу. Конфигурация Русского Острова предоставила эту уникальную возможность, поскольку для острова тянуться от моря до моря, пусть даже и на тысячи и тысячи километров более чем естественно.

При осмыслении русского движения «навстреч солнцу» нам придется, пусть и не без сожаления, отказаться от представления о движении России из Европы в Азию как аналоге движения Европы в Америку. В этих исторических драмах есть историческая синхронность, есть известное количество общих сюжетов, таких как опора на огнестрельное оружие, расположенное на корабле (в русском случае, как правило, речном). Но в целом освоение русскими предназначенного для нас Острова отнюдь не тождественно покорению европейцами Нового Света.

Русская колонизация начинается в пределах Европы с освоения русского Севера и выхода к Баренцеву морю и без всякой паузы и разрыва перетекает за Урал. Никакого противопоставления «европейской» Перми и «азиатского» Тобольска мы, разумеется, не обнаружим. Мы вообще не обнаружим границ Европы и Азии. Мы обнаружим лишь течения рек упорядочивающие русское пространство.

Характерной особенностью русского продвижения на восток является арктический охват. К.И. Зубков отмечает два потока русского движения на восток: «Первый, следовавший в основном вдоль таежной и приморской тундровой широтной зоны Сибири, по общему правилу, на 20–30 лет опережал второй, который тормозился на границе Леса и Степи частыми военными столкновениями с воинственными кочевыми народами Азии и необходимостью осуществления специальных оборонительных и военно-экспедиционных мероприятий» [1, с. 27].

Весьма показателен здесь русский алгоритм освоения Енисея. «Выход русской колонизации на рубеж Енисея на Севере был закреплен в целом в начале XVII в., когда были заложены Мангазейский острог (1601), Туруханское и Инбатское зимовья (1607); контроль над средним течением Енисея был установлен в 1618–1619 гг. со строительством Маковского и Енисейского острогов; начало же утверждения русских на верхнем Енисее относится лишь к 1628 г. – времени закладки Красноярска» [1, с. 27].

Русское движение в Сибирь было движением не в Азию, но в Арктику. Оно продолжало тот ход «на Север», где тесно переплелись монастырская, крестьянская и новгородская пушноторговая колонизация, который и создал для тесных княжеств Северо-Восточной Руси предпосылки собирания в Россию. Но по-настоящему

оформление России произошло лишь с выходом в Сибирь. Как отмечал Цымбурский: «Россия не присоединяла Сибири – она *создалась Сибирью*».

На протяжении всего великого похода «навстреч солнцу» русские не покоряют и не уничтожают Азию, а отодвигают ее, выводя пространства Русского Острова из-под действия азиатизирующих сил.

Азия выступает здесь не как пространство, куда выходит Россия, а как конкурент русских в освоении геокультурно не маркированных пространств. Считающийся самым важным актом сибирской исторической драмы поход Ермака был не «покорением» коренной Сибири, а перехватом её у фактического узурпатора хана Кучума, вассала правившей в Бухаре династии Шейбанидов. Присоединяя Сибирь к Русскому Острову, Россия отгораживала ее от влияния Азии, Востока, представленного ханствами Средней Азии.

Однако на своем пространстве Россия имеет право цивилизационного первородства. Россия не «продвигается в Азию», а размечает новое геополитическое пространство, символом чего становится основание новых городов. «Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов» – отмечает британский историк Фелипе Фернандес Арместо [9, с. 52].

Никакой цивилизации без городов не существует. Стены городов позволяют отличить цивилизацию от пустых земель. Движение Запада в Индийский и Тихий океаны, и даже в Новый Свет было связано с захватом уже существующих цивилизационных структур, внедрением в сложившиеся форматы цивилизаций. Кортес и Писарро основали Мехико и Лиму, предварительно взяв и разрушив Теночтитлан и Куско. Альфонсо Альбукерки создавал опору португальской морской мощи в Индийском океане – Гоа и Малакку – в урбанизированном пространстве развитых азиатских цивилизаций.

В случае русского движения на восток, города возникали там, где не было городов со времен поселений индоевропейцев эпохи Синташтинской археологической культуры, забытых человечеством так прочно, что открытие в 1980-х годах Аркаима произвело настоящую сенсацию. В логике сверхдолгой временной протяженности, историческое движение России может рассматриваться как возвращение первенства индоевропейских народов в географической зоне, где оно было утрачено в начале I тысячелетия нашей эры, когда гунны и турки сменили скифов и сарматов.

На берегу Острова. Случай Приамурья и Уссурийского края

Движение русских на восток совершалось в известной конкуренции, причем как с севера, так и с юга.

С севера на протяжении XVI–XVII веков наблюдались попытки «обхода» России океанической цивилизацией Запада, с упорством отправлявшей экспедицию за экспедицией для поиска северного пути в Китай, диктовавшегося старой картографической ошибкой, представлявшей Обь проливом, ведущим аж до самого Ханбалыка. Лишь запрет русским правительством плаваний на Мангазею на долгое время положил конец этой эпопее, оставив монополию внутреннего пути в Азию за Россией.

С юга Россия сталкивается с конкуренцией азиатских цивилизаций за контроль над теми или иными берегами и проливами Русского Острова. Самый выдающийся случай подобной конкуренции составило, конечно, решение вопроса о Приамурском и Приуссурийском краях. В географическом смысле они, несомненно, составляют органическую часть Русского Острова, однако их близость к цивилизационной платформе другой великой цивилизации, Китая,

впервые поставило русское геополитическое продвижение перед известными препятствиями.

Впрочем, несправедливо трактовать спор вокруг Приамурья как «русско-китайский конфликт». Это было столкновение русских казаков, основавших на Амуре Албазинский острог и готовых к дальнейшей экспансии, с Маньчжурией, полукочевой империей, как раз тогда ведшей завоевание разрушенного внутренними конфликтами Минского Китая. Маньчжурская империя Цин основывалась на жестоком унижении китайского населения, и потому понимание ее как Китая возможно лишь в рамках специфичной китайской традиции, которая стремится присвоить Поднебесной все права и достижения господствовавших над нею варваров (в русле этой традиции и демагогические заявления о «вхождении Руси в империю Юань»).

До русско-японской войны Россия вообще не приходила в столкновение с высокими цивилизациями Азии, имея дело лишь с кочевническими или посткочевническими образованиями, каковыми были Маньчжурский Китай, Персия при Каджарах, Османская империя, ханства Средней Азии. Политическое первенство кочевого элемента во всех этих случаях создавало дополнительные предпосылки для конфликтности с Россией.

Фактически Маньчжурия была в Приамурье нападающей стороной, пытаясь вытеснить неудобных соседей, превосходивших ее качеством военного дела, но уступавших в численности. В 1685 году, собрав десятитысячную армию, маньчжурам удалось взять и разрушить Албазинский острог, а в 1689-м – навязать России Нерчинский договор, отрезавший русских от Амура.

Характерно, что маньчжурское правительство само не было уверено в собственных силах и попыталось создать на пути дальнейшего русского продвижения «зону отчуждения». Аборигенное население Приамурья было выселено. Еще раньше, в 1668 году, была принята политика «ивового палисада» – китайцам было категорически запрещено селиться в пределах Маньчжурского домена. Таким образом, опустошенные от местного населения, огражденные запретом от потенциальной китайской колонизации и закрытые межгосударственными договорами земли Приамурского и Приуссурийского краёв были превращены в искусственную пустыню. Развитие производительных сил этого региона было искусственно сдержано Маньчжурской империей.

В XVIII веке Россия не слишком успешно пыталась заинтересовать пекинских властителей трансграничной торговлей, которую те всячески ограничивали, что дало отчасти искусственное преобладание южным торговым маршрутам, на которых действовали англичане, и укрепило предпосылки опиумных войн. Ослабленная в этих войнах империя Цин не могла уже противостоять завершению освоения Русского Острова.

Россия применила в этом споре с Азией уже не раз использовавшийся до этого в Арктике океанский охват, движение не от истока к устью опорной реки, а, напротив, от устья к истоку. Пришедшей из Кронштадта экспедиции Г.И. Невельского удалось открыть пролив между материком и Сахалином и Амурский лиман, тем самым доказав геополитическую принадлежность региона к Русскому Острову с его переплетением озер, морей и рек.

Маньчжурская политика искусственной пустыни сыграла с цинцами злую шутку. Невельскому хватило всего пятидесяти солдат, чтобы закрепить за Россией многие тысячи квадратных километров. Все его насильственные действия свелись к тому, что при первой высадке он пригрозил пистолетом начавшему дерзить маньчжурскому купцу, а, поставив того на место, допросил и узнал: «1) что им запрещено спускаться сюда по Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-зина (около трехсот верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями,

которых выменивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки); 2) что на всем пространстве по берегам Амура до Каменных гор (Хинган) нет ни одного китайского или маньчжурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят» [6].

Расспрашивая же гиляков, Невельский установил, «что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда». Возможно, Китай имел шанс составить России конкуренцию на берегах Амура и Уссури и сделать их частью своей Срединной империи, отняв от Русского Острова. Но этот шанс был упущен благодаря маньчжурской политике опустынивания. «Китайское Приамурье» применительно к XVII–XIX векам есть опять же «вымышленное царство». Поэтому так анахронично и неуместно звучит суровый тон «Истории Китайской Народной Республики», изданной в 2012 году Институтом Китая современной эпохи по поручению ЦК КПК: «Царская Россия в 1858 году по Айгунскому договору отхватила более 600 тысяч кв. км территории к северу от реки Хэлуцзян и к югу от хребта Синъаньлинь, в 1860 году по Пекинскому договору отрезала более 400 тысяч кв. км территории к востоку и югу от озера Балхаш. В 1881 году по исправленному договору в Или и по пяти протоколам о демаркации границы отрезала более 70 тыс. кв. км территории в районе Или. За эти десять с лишним лет Россия в общей сложности грабительски захватила более 1,5 млн кв. км территории Китая» [цит. по: 3, с. 18].

Парадоксально, но факт – именно присоединение Приамурского и Приуссурийского краев впервые открыло эти земли для китайской колонизации. Вскоре наплыв китайцев стал столь значителен, что в русских правительственных кругах и публицистике во весь голос начала обсуждаться тема «желтой опасности», отразившаяся, в частности, в трудах путешественника, писателя и разведчика В.К. Арсеньева.

Целью экспедиций Арсеньева было не только военно-топографическое исследование Уссурийского края, но и оценка китайского проникновения и связанных с ним рисков. Образ китайцев в его произведениях ощутимо двойся. С одной стороны – это жестокие разбойники-хунхузы, это китайские колонисты, хищнически истощающие природу, безжалостно эксплуатирующие представителей местных малых народов – тазов и удэгейцев, ищущих защиту только у русских «капитанов». Эти китайцы встречают русского офицера, представителя русской власти, с крайней враждебностью. С другой стороны, китайцы – это надежный помощник Арсеньева Чжан Бао, это трудолюбивые фермеры, выращивающие женьшень, это старик, намеревающийся вернуться назад в Китай к брату.

При этом главную угрозу для русского начала в крае представляют, по мнению Арсеньева, не столько китайский разбой и нарушение законов России, сколько трудолюбие и предприимчивость, которые практически не оставляют места разворачиванию мирной русской колонизации, сосредотачивая производительные силы края в руках китайцев.

Книги Арсеньева сыграли огромную, возможно, решающую роль в закреплении Уссурийского края за Россией. Арсеньеву удалось нарисовать яркий образ Дерсу Узала, охотника-гольда, своеобразного гения места, средоточия уссурийской природы и мудрого гармоничного сосуществования с нею. Дерсу символически передает этот край как наследие русскому «капитану». Исплыванный, исхожденный и описанный Арсеньевым мир тем самым невосвратно становится русским миром.

Как видим, в маньчжурском стремлении оставить русских без поддержки местного населения была своя доля правды. Русские, осваивая свой Остров, и в самом деле с величайшим искусством использовали поддержку и сотруду-

ничество местных народов, опираясь на их поселения как на свои базы, а на их охотников, подобных Дерсу, как на проводников. Конкурируя с «Азией», с высокими восточными цивилизациями, Русский Остров нуждался в коренных народах и не только не подавлял, но и приветствовал их.

«Поддерживать Индию. Помочь Китаю. Защитить Иран»

Ни геополитически, ни культурно Россия не находится «в Азии», представляющей собой ряд преимущественно сухопутных геополитических «платформ». Однако Россия обладает своими интересами и особенностями отношений с Азией, не похожими на те, в которых находятся к Азии европейские державы и Америка.

Это понимание особого места России в системе азиатских отношений заточено отнюдь не только против поверхностного евроцентризма, но и против паназиатства, стремившегося вычеркнуть Россию из Азии как чуждую, «европейскую» силу.

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое, в противовес выдвигающейся от времени до времени желтой расой доктрине «Азия для азиатов»», – отмечал В.П. Семенов-Тянь-Шанский [8, с. 740].

С другой стороны, Азия выступает для России как неубиваемый козырь в ее «Большой игре» с Европой и прежде всего с враждебной англосаксонской Империей. Этот козырь – непосредственный доступ России к континентальным платформам Азии – стал осознаваться Европой еще в XVI–XVII веках, когда английские купцы начали упрашивать русских царей открыть им путь в Персию. Но ходу им не давали – покупая персидские товары на грандиозном торге в Астрахани, русские не пускали западноевропейцев по Волге южнее Нижнего Новгорода.

Пути в Азию дальше этого предела Россия западным соседям не открывала, стараясь к выгоде для себя сохранить положение транзитной державы. Мудрая политика, которой следует придерживаться и впредь, когда сегодня уже Китай ищет транзитных коридоров для выхода в отдаленную от него Европу. Не упустив своих выгод в эпоху торговой экспансии Запада, Россия вряд ли ошибется, действуя так же в эпоху торговой экспансии Востока.

Но могла быть и воинственная интерпретация русского ключа к Азии. Вспомним грандиозный замысел Павла I и Наполеона сокрушить еще непрочное британское господство в Индии маршем русских казачьих корпусов. Мечта авантюристичная, но отнюдь не безумная – недавние подвиги русских в Персии при Екатерине II показали полное превосходство русской военной силы над восточными народами, преграждавшими путь до Индии, а в самой Индии британцы просто численно не смогли бы противостоять русским.

Всё следующее столетие кошмар русского вторжения нависал над Британской Индией. Русское же продвижение в Среднюю Азию мыслилось как обеспечение логистического моста этого вторжения. Русские военные географы, подобные А.Е. Снесареву, с особым пристрастием изучали Афганистан. Даже распространение русского влияния в Тибете, Маньчжурии, Китае в конечном счете осмыслялось в логике «Большой игры».

Разочарованный кражей побед русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Берлинском конгрессе, идеолог панславизма Н.Я. Данилевский рисовал грандиозный план азиатского «обхода» Англии, не подпускающей Россию к Проливам: «России ничего другого не остается, как постараться, чтобы проливы потеряли для нее всякую ценность, чтобы свободное сообщение с Индией

утратило для нее всякое значение. Князю Паскевичу приписывают слова, что путь в Константинополь идет через Вену. Видимо, и путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту». Данилевский рисует целую программу действий России в Азии: «угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию».

Сегодня Индия не является британской, напротив, это растущая независимая держава-цивилизация, в суверенитете и крепости которой Россия жизненно заинтересована. Поэтому достаточно лишь немного переделать формулу Данилевского, обладавшего удивительным даром геополитического пророка, чтобы получить готовую доктрину России на азиатском направлении: *«Поддерживать Индию, быть готовыми помочь Китаю, защитить Иран»*.

Используя доступ со своего острова к азиатским платформам, Россия должна поддерживать их независимость против англосаксонской державы. Именно эту природу носит обозначившийся в рамках ШОС четверной альянс России, Китая, Индии и Ирана. И именно поэтому вопреки экономической мощи Китая только Россия может играть в нем роль «коренного», поскольку только в России заключен тот «тыл», который придает этим великим державам-цивилизациям общую устойчивость против океанского давления Англосаксонской империи.

Россия со своего внутреннего континентального Русского Острова обречена на противостояние в «Большой Игре» в Азии против внешнего Англоамериканского Острова. Она должна поддерживать независимость и силу азиатских цивилизационных платформ, не давая им скатиться к вассалитету перед англосаксонской империей. Даже один такой «вассал», как Япония, малый остров против большого острова России, может причинить слишком много неприятностей.

При этом Россия сегодня действует в контексте усиливающейся экспансии самих азиатских держав. И Китай, и Индия, и Иран – давно уже не объекты, но субъекты мировой политики, причем Китай становится субъектом перворазрядным. И здесь возникает ключевая проблема баланса между глобальным и региональным политическим положением России. «Регионализм» в азиатской политике для России чреват известными рисками, особенно в отношениях с той громадной силой, которую являет Китай.

Как участники глобальных процессов Россия и Китай заинтересованы друг в друге, обречены на союз и на совместную программу ослабления американского и, шире, западного доминирования в мире. Те угрозы и препятствия, которые создает Запад России и Китаю, разнесены в пространстве. Таким образом, как глобальные политические игроки Россия и Китай просто обязаны реализовывать свои глобальные стратегические проекты, обращенные в противоположных направлениях, и отбивать общих врагов.

Но Россия и Китай являются не только глобальными игроками, но и соседями. А соседи, увы, всегда немножко враги. Постоянное переплетение региональных интересов и противоречий создает постоянный риск порчи даже очень хороших отношений. И успех стратегического сотрудничества России и Китая в известном смысле зависит от того, сумеют ли они в достаточной степени отвернуться друг от друга.

Но, с третьей стороны, чисто экономическая логика побуждает Россию и Китай разворачиваться друг к другу для оптимального совместного использования ресурсов, приграничной торговли, транспортных коридоров. А это возвращает нас к проблеме перенаселенности Китая и создаваемой китайской экономикой экологической нагрузки на ресурсы, пробуждает вновь фантомы «желтой опасности» и реванша.

Россия заинтересована прежде всего в южном направлении китайской экономической и цивилизационной экспансии, завещанном еще адмиралом

Чжэн Хэ. На этом направлении интересы обеих держав не сталкиваются, а сами они взаимно усиливают друг друга.

Но чем более китайское геополитическое действие сдвигается к северу, тем больше пространство возможных недоумений и напряжений. Реализуя мечту о новом Великом шелковом пути, Китай не только создаст экономическую конкуренцию российским трансасиатским транспортным коридорам, но и зону политического напряжения, так как вынужден будет охранять узлы этого пути, пресекать внешнее воздействие на них, вступая в неизбежную внешнеполитическую конкуренцию с Россией. Движение Китая строго на Запад помимо России и в обход России неизбежно создаст зону повышенной геополитической турбулентности.

От того, как Россия и Китай смогут разобраться в этом клубке сотрудничества и противоречий, зависит, возможно, ход мировой истории в ближайшие столетия.

Восток Будды и Восток Христа

Погружаясь в тему «духовного родства» России и Азии, России и нехристианского Востока, мы оказываемся в теософском тумане вымыслов и догадок. Найти реальные следы «восточничества» в традиционной русской культуре оказывается непросто. Трудно оспорить с фактами в руках точку зрения академика Д.С. Лихачева: «Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смею утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Греции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии» [5, с. 12].

Более того, знакомство с реальным Востоком порождало у русского человека скорее недоумение и неприятие. Здесь достаточно сравнить восторженные записки Марко Поло, ставшие источником вдохновения всего перевернувшего мировую историю предприятия по поиску Индии, и скептический тон Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря»: «Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ» [2].

Повесть Афанасия – исповедь о страданиях православного русского человека, оказавшегося в плену Востока и через то фактически «лишившегося христианства», то есть традиционного православного устава жизни. Вместо этого он погружается в непривычную среду, в которой, впрочем, возможны своеобразные цивилизационные коалиции «против общего врага»: «Познася со многими индеяны. И сказах имъ веру свою, что есми не бесерменинь исаядениени семь христианинь, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учили крыти».

Отправившись на Восток, Афанасий не без некоторого удивления открывает в себе... белого человека: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуку... А любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пиль да ѣль, то ему халяль».

Евразийская пропаганда постаралась объявить Афанасия... мусульманином. Хотя весь его текст проникнут неприязнью к исламу, в доверие к индусам

он входит именно потому, что христианин, а «ходжа Юсуф Хорасани» – его торговый псевдоним, не более. Мало того, Афанасий описывает несколько случаев прямых предложений от правителей сменить веру и описывает свой отказ. Весь текст «Хождения» полон тоски по русской вере на родной земле. И даже время Афанасий старается исчислять по постам и Пасхам: «О благовѣрнии рустии крестьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великия дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рождества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю – а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азь же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару в Маздраньской земль, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре крестьяньской».

Реальный опыт взаимодействия русских с Азией говорит против предположений о каком-то специфическом русском ориентализме или криптоориентализме. Русский ориентализм есть побочное дитя русского европеизма. Он возрос на чисто западных источниках и лишь со второй половины XIX века среди русских интеллектуалов начала вызревать мысль, что соседство России и Востока дает лучший доступ к восточным источникам, к восточной среде, а может быть и к пониманию Востока, чем у западных исследователей.

По дорогам внутренней Азии отправились экспедиции, от которых, впрочем, слишком часто веяло разведывательной миссией. Появились такие уникальные по своим познаниям и проникновению в предмет ученые, как В.В. Бартольд, Ф.Ф. Щербатской. Русское востоковедение стало масштабным проектом, в рамках которого оказались возможны такие уникальные достижения, как единственный полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на европейский язык.

Однако предполагаемое «сродство с Востоком» носит прежде всего характер всё того же соседства и стремления к взаимной поддержке против натиска Запада. А главное – базируется на предположении о большей уважительности, большем чувстве равенства русских по отношению к Востоку, о чем многократно писали русские публицисты тех лет: англичанин привязывает мятежного сипая к пушке и считает индуса рабом, в то время как русский дает туземцу равные права.

Однако не было ли это чувство равенства иллюзией? Гражданское равноправие в Российской Империи возможно было лишь до тех пор, пока речь шла о гражданских, а не об избирательных правах. Напротив, любое приближение к системе, где имело значение большинство голосов, приводило к взрывам, округлявшим национальное большинство даже ценой территориальных потерь. Миф о российском имперском равенстве народов возможно было поддерживать лишь в автократической системе, и то не без некоторого труда.

Вспомним, как сурово одернул Ф.М. Достоевский тех, кто считал, что Россия не должна вступаться за христиан в Турции, поскольку часть граждан России – мусульмане. «Хозяин России есть русский», – отвечает им Достоевский в «Дневнике писателя», и никакого права вето на исполнение русскими православной миссии внутренний Восток России не имеет.

Для понимания всей сложности темы «Россия и Азия» особое значение имеют соображения Достоевского заключающие его последний «Дневник писателя», своеобразное геополитическое завещание мыслителя, учившего, что «в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан».

Достоевский начинает с сетований на невнимание русского общества ко всему за пределами Европы: «Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?”» [4, с. 504].

Для него русское продвижение в Среднюю Азию, победы Скобелева, взятие Геок-Тепе, это провозвестие грядущего доминирования Российской Империи над азиатскими народами, создание репутации России, которая станет выше репутации любой другой империи: «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: «Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его... У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, – но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждает-ся и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему...» [4, с. 504].

Это суждение еще вполне традиционно геополитическое, однако затем Достоевский задает раннюю версию русского восточничества. Россия не просто имперская держава, долженствующая доминировать в Азии. Она сама есть азиатская держава: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [4, с. 504].

Русское славянофильство, традиционно носившее скорее неовизантийский характер, здесь переосмысливается в более общей дихотомии Европы и Азии. Россия со своей особенной идеей отвергается Европой, а значит должна обрести себя в Азии. «Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до “металла и жупела” московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых Бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты... Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина! Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть «идея», своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает...» [4, с. 505].

Однако следующие шаги, который делают более поздние восточники, такие, как князь Ухтомский, Достоевский не делает. Он не высказывает предположения, что в силу своей мистической, иррациональной природы азиатские цивилизации более сродни русской идее, более способны к ее усвоению, нежели европейцы. Более того, сделав опасно близкий шаг к «России – Азии», До-

стоевский возвращается назад к пониманию России в качестве Европы и русской Азии как козыря в вековом споре с Европой. Исход к Востоку – это не поиск «братьев» среди азиатских народов, а обретение русскими своих сокровищ.

Азия мыслится Достоевским как средство национального самоусиления. «Азия – это русская Америка» – здесь, очевидно, под Азией мыслится уже не столько пространство древних азиатских цивилизаций, а Сибирь и Туркестан в той мере, в которой последний казался еще почти пустым пространством (что нам сегодня может показаться странным, но до успехов медицины, приведших к перенаселенности Средней Азии, соответствовало действительности). Азия предстает у Достоевского путем к обретению самой себя. «Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это “страна святых чудес”, и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными... С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, – тотчас найдем что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями...» [4, с. 508–509].

И вот уже звучат формулировки привычного цивилизаторского дискурса: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия... Цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, – а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем облепившимся, всем без дела уставшим» [4, с. 509–510].

Достоевский возражает против абсурдности тезиса об «убыточности» русской Азии, предвосхищая ту программу освоения ее богатств, которая развернулась в XX столетии: «Если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, – всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить... К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!» [4, с. 509–510].

При этом русское освоение Азии мыслится Достоевским как народная колонизация, как заселение, распространение русского этноса, а не только как политическое и экономическое господство. Движение в Азию для Достоевского есть умножение Русской Земли. «Где в Азии поселится “Урус”, там сейчас становится земля русской. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила...» [4, с. 510].

Как видим, мысль Достоевского балансирует между пониманием Азии как инструмента русского самоусиления, пространства русской народной колонизации и идеей «цивилизаторской миссии» и предположением об особой «азиатской» природе России и русских, которая должна быть осознана в оппозицию

Европе. Почему Достоевский, договорившись до «русские – это азиаты», внезапно отступает назад в «страну святых чудес» – Европу? Да потому, что продолжение этой «азиатской» мысли вело бы к той или иной форме отречения от Христа. Позднее это противопоставление «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» мы найдем у Владимира Соловьева, который, однако, пойдет в антивосточничестве еще дальше, до лжепророчеств о панмонголизме.

Реакция Соловьева, впрочем, более понятна, если учесть, что в следующую эпоху русское «восточничество» решается на более радикальные предположения об азиатском духе России, о глубинном внутреннем сродстве русского и восточного способов постижения мира. Этот аспект русской идеи, нашедший наиболее полное отражение в публицистике князя Эспера Ухтомского, представляется теперь обширной и древней исторической традицией, благодаря работе Мануэля Саркисянца «Россия и мессианизм Востока» [7].

Саркисянец увязывает с восточными влияниями возникновение русской народной утопии, мессианизм и хилиазм, становление которых относит к XVII веку. Этот хилиастический идейный комплекс, как он справедливо отмечает, был совершенно чужероден Европе, которая уже находилась в стадии светского рационалистического утопизма, зато представляется исследователю родственным восточным религиозным и этическим системам.

Однако рискну поспорить. Речь идет не о действительном культурном и мировоззренческом родстве России и Востока, а о единстве принципов всех цивилизаций «Осевого времени». Когда Ухтомский утверждал, что один и тот же русский царь может восприниматься как православный самодержец в России, как аватар Вишну в Индии, как Сын Неба в Китае, как Белый Царь для степных азиатских народов, то это свидетельствует лишь о гомологичности структуры этих цивилизаций, когда единство между трансцендентным и мирским порядками может быть скреплено посредствующей фигурой сакрального монарха. Шмуэлю Эйзенштадту блестяще удалось показать близость символических ориентаций всех цивилизаций «Осевого времени», но он же показал и их значительные отличия. Общего в них было только то, что все эти цивилизации – китайская, индийская, русская, исламская – не стали «Западом». Их переход к Новому времени был обусловлен вызовом Запада и в еще большей степени – западной военной и экономической угрозой.

Найти черты положительного родства в этом отрицательном сходстве было задачей не просто трудной, но чреватой серьезными рисками, главным из которых была отмеченная Саркисянцем угроза дехристианизации России. Видеть в православии некий мистицизм и холизм, которые якобы делают его ближе к буддизму или вишнуизму, чем к римо-католицизму, – очевидная натяжка, попытка подменить метафизическое содержание доктрин чертами внешнего сходства религиозного стиля, к тому же измышленного. Мистицизма можно сколько угодно найти и в католичестве, а вот православная доктрина соборности слишком персоналистична для нехристианского Востока.

Вера в Иисуса Христа как единственного истинного Бога и Спасителя навсегда разделила Россию с нехристианским Востоком, а ее связь с Западом слабеет ровно в той мере, в которой Запад уходит от христианства.

Именно поэтому крайность русского «восточничества», как у Блаватской и Рерихов, пришла к попытке охватить и поглотить Христа «восточным контекстом», превратить его в одного из индуистских «махатм». Привело это, по большому счету, лишь к выпадению данного направления из русского контекста.

Экуменическое утверждение родства китайской, индийской и русской цивилизаций означало бы отречение от Христа, что остро почувствовал Достоевский, так внезапно ушедший от «русские – азиаты» назад в «страну святых чудес». Впоследствии Георгий Флоровский выставил тот же суровый религи-

озный счет евразийцам, указав на то, что, начав с утверждения идентичности русской цивилизации, они скатываются к растворению основы этой идентичности – православного христианства.

Не случайно пик отмеченного Саркисянцем восточнического восторга приходится на первые послереволюционные годы, когда русская культура, как казалось, покончила со своей религиозной, православной христианской основой, перешла в область восторженно-неопределенной мистики братства, сливающей континенты и народы.

Русское восточничество так же, как и русское азиатство, оказывается в плену своеобразной омонимии. Будучи, несомненно, Востоком, детищем Восточной церкви, противопоставленной латинскому Западу, православная Россия в то же время не может быть Востоком в отношении к христианству как таковому. Ее история начинается с замечательного утверждения христианского персонализма, множественности человеческих лиц, в «Поучении» Владимира Мономаха. И, конечно, движение к восточному имперсонализму для нее невозможно. «Восток» христианского мира и «Восток» в системе «Восток – Запад» – это в известном смысле противоположности.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>
3. Галенович Ю.М. «Исторический счет» к России и СССР в «Истории Китайской Народной Республики». М.: Восточная книга, 2014.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14: Дневник писателя.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
6. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России (1849–1855 г.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. URL: <http://fanread.ru/book/5242388/?page=27>
7. Саркисянц, Мануэль. Россия и мессианизм Востока. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
8. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Геополитика: Антология. М., 2006.
9. Фернандес-Арместо, Фелипе. Цивилизации. М.: АСТ, 2009.

Аннотация. В статье обсуждается вопрос об исторической и геополитической принадлежности России к миру Азии. Автор скептически оценивает гипотезу евразийцев об общности наследия Чингисхана, якобы вводящего Россию в круг азиатских народов. Монгольская империя, принадлежность к которой русских княжеств не продлилась и двадцати лет, представляет собой, по мнению автора, «вымышленное царство». Геополитическое лицо России определяется не евразийством, а формирующей Россию плотной сетью речных и морских коммуникаций, которую автор вслед за Вадимом Цымбурским предлагает именовать «Русским Островом». Движение России в Сибирь было не «проникновением в Азию», а освоением этого острова, что автор показывает, в частности, на примере присоединения Дальнего Востока. Азия рассматривалась в русской мысли, утверждает автор на примере Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского, как пространство геополитического утверждения русской государственности и крепость, которую нужно защищать от англосаксонского проникновения. В то время как утверждения «восточников» об особом духовном сродстве России и Азии наталкивались на непреодолимую преграду в виде неустранимости христианства как ядра русской идеи.

Ключевые слова: Россия, русские, Азия, Евразия, евразийство, Чингисхан, Русский Остров, Сибирь, Арктика, Ермак, реки, Китай, Дальний Восток, Невельской, Арсеньев, Данилевский, Индия, Достоевский, восточничество, христианство.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian commentator” and “New Chronicle” Online Magazines. E-mail: natapa@ya.ru

Why Russia is not Asia

Abstract. The article addresses the issue whether Russia belongs to Asia historically and geopolitically. The author is skeptical about the Eurasian hypothesis about the common heritage of Genghis Khan, allegedly making Russia an Asian nation. The Mongol Empire, to which Russian principalities belonged for merely 20 years, is viewed by the author as “a fictitious kingdom.” Geopolitically Russia is not defined by Eurasianism, but is shaped by numerous rivers and seas, which the author suggests calling “Russian island”, the term coined by Vadim Tymbursky. Russia’s exploration of the Siberia region was not the “penetration into Asia,” but rather the exploration of the island, which illustrated by the expansion of the territories to the Far East. Citing N. Danilevsky and F. Dostoevsky, the author stresses that according to Russian thinkers, Asia belonged to the Russian state geopolitically, with Russia regarding it as the fortress to be protected from the Anglo-Saxon invasion. Meanwhile, the “Easterners’” vision of a special spiritual affinity of Russia and Asia encountered an insurmountable obstacle as Russian Christianity is inalienable as the cornerstone of the Russian Idea.

Keywords: Russian, Russians, Asia, Eurasia, Eurasian, Genghis Khan, Russian Island, Siberia, Arctic, Ermak, Rivers, China, Far East, Nevelskoy, Arsenyev, Danilevsky, India, Dostoevsky, Orientalism, Christianity.

Л.В.Поляков. Спасибо, Егор Станиславович. В ответ на предложение профессора Матвейчева теории взаимного слияния востока, юга, запада и севера в некое единое человечество мы услышали прямо противоположную концепцию неслиянности: Россия – это не Запад, не Восток и не Евразия, Россия – это непоглощаемое никем и ничем ядро, существующее как остров. Таким образом, полюса обозначены прямо противоположные.

Б.В.Межуев. Честно говоря, у меня нет четких тезисов по этой проблеме. Хотел бы скорректировать некоторые моменты, касающиеся концепции «Остров Россия». Начну с того, что касается самой идеи Русского Острова. В самой первой своей постановке, в 1993 году, эта концепция, опубликованная в журнале «Полис», базировалась на некоем парадоксе, который очень ясно ощущается именно во Владивостоке. Этот парадокс – в легкости нашей геополитической экспансии на восток. Казаки очень легко присоединили всё, что стало именоваться Сибирью. А Уссурийский край и вообще был присоединен дипломатическим путем. Другой парадокс. В 1920-х годах большевики относительно легко воссоединили территорию той страны, которая раньше называлась Россией. (Что во многом и породило феномен евразийства.) Как это вообще могло произойти так легко? Никакого устойчивого очага борьбы против большевизма так и не возникло. Владивосток не стал Тайванем. А с учетом огромных

расстояний такое можно было бы помыслить. Такая легкость геополитической экспансии не сопровождается аналогичной легкостью экспансии геоэкономической. Экономика не идет вслед за геополитикой – территория присоединяется, но освоения трудных пространств – выражение Цымбурского – не происходит. Это один из вопросов, который он поставил, и до сих пор ясного ответа нет. Сам Цымбурский пытался дать объяснение через некую культурософию – дескать, причина в том, что западные рубежи по цивилизационным, культурным причинам оттягивают от Востока внимание российской власти, российских денег, российской культуры, российской власти. Но тогда возникает другая проблема. Один из важных элементов концепции «Остров Россия» – идея цикличности. Применительно к нашему сюжету это проявляется в том, что интерес к Востоку бывает сильный, какой-то неизбежный, но – краткосрочный. Как правило, он возникает тогда, когда Россию оттесняют из Европы, – после Крымской войны, после Берлинского конгресса, после Версальского договора и всего последующего. И такое вытеснение провоцирует интерес к Востоку – восточничество, евразийство и так далее. Появляются соответствующие концепции, в том числе и те, о которых мы говорим сегодня. Вопрос в том, почему этот интерес настолько краткосрочен. И не может ли так оказаться, что и наш интерес к Востоку падет жертвой очередного цикла.